

Научная статья

DOI: 10.15593/perm.kipf/2023.2.07

УДК 623.442.52:355/359.07

ПРОТИВОТАНКОВОЕ РУЖЬЕ РЕС: ИНЖЕНЕРНАЯ НЕУДАЧА, УШЕДШАЯ ЭПОХА ИЛИ СБОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ?

А.В. Исаев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

О СТАТЬЕ

Поступила: 01 мая 2023 г.

Одобрена: 11 ноября 2023 г.

Принята к публикации: 01 декабря 2023 г.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, противотанковые ружья, РЕС, Л.П. Берия, ГКО, ГАУ, испытания вооружения, боеприпасы, Музей отечественной военной истории.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена одному из уникальных экспонатов Музея отечественной истории – опытному образцу советского 20-мм противотанкового ружья РЕС периода Великой Отечественной войны. Разработка, испытания и принятие на вооружение этого ПТР являются показательным примером механизма принятия решений в системе советского военного управления. Целью исследования является формирование научно обоснованного ответа о причинах задержки с запуском в массовое производство образца с высокими характеристиками, необходимого для обеспечения пехоты Красной армии эффективным средством борьбы с танками противника. В жизненном цикле РЕС имеется несколько труднообъяснимых задержек, препятствовавших переходу от войсковых испытаний к большой серии. Имевшиеся недостатки не превосходили таковые у принятых на вооружение и массово выпускавшихся образцов ПТРД и ПТРС. При этом недостаточная бронепробиваемость ружей ПТРД и ПТРС была очевидной для ответственного за противотанковые ружья Главного артиллерийского управления Красной армии. Несмотря на внимание к проекту со стороны лично Л.П. Берии, до конца войны противотанковое РЕС на фронт не попало. Причем контроль статуса программы ружья РЕС осуществлялся квалифицированным специалистом, уполномоченным ГОКО по вооружению генерал-майором инженерно-технической службы П.И. Кирпичниковым. В статье рассмотрены несколько действующих факторов, влиявших на принятие решений. Первый – это бюрократические проволочки, связанные со стремлением соблюсти процедуры жизненного цикла оружия, когда кризис 1941 года миновал. Второй фактор – это объективные обстоятельства, связанные с модернизацией бронетанковой техники вермахта. Принятые германским командованием меры по усилению защиты танков и САУ от боеприпасов противотанковых ружей за счет экранирования носили действительно радикальный характер. Это стало очевидным в ходе испытаний захваченных на Курской дуге летом 1943 года экранированных немецких танков на полигоне НИИ БТ в подмосковной Кубинке. Третьим фактором стало наличие у РЕС конкурентов, созданных другими конструкторскими коллективами. Исследование опирается на широкий круг документальных источников.

© ПНИПУ

© **Исаев Алексей Валерьевич** – кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории военной экономики, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2983-8184>, e-mail: alex.v.isaev@gmail.com.

© **Alexey V. Isaev** – Candidate of Sciences (History), Head of Laboratory of Military Economics History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2983-8184>, e-mail: alex.v.isaev@gmail.com.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Вклад 100 %.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

SOVIET ANTI-TANK RIFLE RES: INVALID DESIGN, GONE EPOCH OR MANAGEMENT SYSTEM FAILURE?

Alexey V. Isaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 01 May 2023
Revised: 11 November 2023
Accepted: 01 December 2023

Keywords:

Great Patriotic War, Red Army, Anti-Tank Rifles, RES, L.P.Beria, State Defense Committee, Ordnance, Main Artillery Directorate, armament testing, Padikovo Museum.

ABSTRACT

The article is dedicated to one of the rare exhibits of the Museum of Domestic Military History: experimental 20-mm anti-tank rifle RES which had been designed and tested for the Red Army during the Great Patriotic War. Development, testing, and introduction to military service of this anti-tank rifle is a good sample of decision making in the Soviet State military management system.

The task of research is to formulate a scientific answer to the question about the causes of delays in launching mass-production of a high-performance anti-tank rifle RES despite the Red Army infantry urgent needs for an effective anti-tank weapon. There are some hard-to-explain delays in the RES life-cycle that prevented its transition from army testing to mass-production. Teething problems of the RES were the same as in case of the mass-produced PTRD and PTRS. Insufficient armor-piercing capabilities of the PTRD and PTRS were clear for the Main Artillery Directorate that was responsible for anti-tank rifles in the Red Army.

Despite the interest of high-ranking and well-known as a soviet repressive machine leader L.P. Beria in the RES project, until the war ended the high-performance rifles did not reach the battlefields. The article describes a few factors that influenced decision making. The first one is bureaucratic delays due to the Main Artillery Directorate desire to follow the prescribed weapon life-cycle procedures after the 1941 crisis was over. The second one is objective factors connected to armor protection development of German tanks. German engineers' and military leaders' steps to increase tanks and self-propelled guns armor-protection were really effective in view of anti-tank rifles performance. The third influence is the presence in the USSR of alternative anti-tank weapon projects by other engineering teams. The research is based on a wide range of documents.

© PNRPU

Одним из уникальных экспонатов в Музее отечественной военной истории (Падиково, Московская область) является противотанковое ружье РЕС, названное по первым буквам фамилий его создателей С.Е. Рашкова, С.И. Ермолаева и В.Е. Слухоцкого. Официально, согласно Руководству службы, оно именовалось «20-мм противотанковое ружье РЕС обр. 1942 г. (системы Рашкова, Ермолаева, Слухоцкого)» (рис. 1). Этот необычный со всех точек зрения образец во многом отражает технические, технологические и организационные проблемы, стоявшие перед создателями противотанковых средств пехоты Красной армии в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Также предельные по своим характеристикам образцы показывают реальные возможности промышленности той страны, в которой их спроектировали и воплотили в металле.

Чтобы понять, как появилось РЕС и почему конструктивно оно было реализовано именно таким образом, следует изучить контекст событий. В предвоенный период в СССР отношение к противотанковым ружьям было настороженным. С одной стороны, в армии имелся негативный опыт, связанный с динамо-реактивными системами Л.В. Курчевского, показавшими свою эксплуатационную и техническую ненадежность. С другой стороны, Красная армия располагала достаточным количеством полноценных 45-мм противотанковых пушек. Поэтому работы велись, до войны было создано полтора десятка опытных ПТР, но до принятия на вооружение из них дошло только одно.

Незадолго до войны в СССР было разработано, испытано и постановлением Комитета обороны при СНК за № 77сс от 7 октября 1939 года принято на вооружение 14,5-мм ПТР конструктора Н.В. Рукавишникова. Наркомат вооружения должен был поставить это ружье на валовое производство на заводе № 2, была даже выпущена небольшая серия ружей Рукавишникова, подготовлена оснастка и задел узлов и деталей. Однако постановлением № 332 от

26 июля 1940 года ружье снимается с вооружения [1, л.51]. Традиционно это объявлялось как недалёковидность руководства ГАУ и персонально маршала Г.И. Кулика, поставившего вопрос «о целесообразности противотанковых ружей» [2, с. 271]. Реальная картина, конечно, была несколько сложнее. Во-первых, работы по ПТР как таковым в СССР никто не останавливал. Так, в конце 1940 года были разработаны тактико-технические требования под 12,7-мм магазинное противотанковое ружье под «12,7-мм специальный патрон» [3, л.55].

Рис. 1. ПТР РС в экспозиции Музея Отечественной военной истории (Падиково, МО) (фото автора)

Во-вторых, ружье Рукавишника также было ещё довольно сырым и требовало доработки. Это признавалось даже в достаточно комплиментарной работе Д.Н. Болотина [2, с. 269].

Наконец, в-третьих, внедрение противотанковых ружей под 14,5-мм патрон сдерживалось характеристиками имевшегося в наличии 14,5-мм патрона с пулей Б-32 со стальным сердечником, не обеспечивавшим нужную бронепробиваемость. Ружье Рукавишника обеспечивало пробитие 30-мм брони только со 100 метров и только по нормали. Патроны с металлокерамическим сердечником были в 1940 году ещё далеки до завершения. Под наименованием БС-41 новый патрон был принят на вооружение 15 августа 1941 года. Проблемы с производством металлокерамических сердечников наглядно продемонстрировали попытки копировать немецкое 7,92-мм ПТР PzB-39, предпринятые вскоре после начала войны.

Уже в первые дни войны Красной армией были захвачены немецкие противотанковые ружья, которые показали неплохие характеристики. По итогам испытаний трофейных ружей на НИПСВО (Научно-исследовательский полигон стрелкового вооружения) 5 августа 1941 года предлагалось «использовать конструкцию германского противотанкового ружья PzB39 под отечественный 12,7-мм патрон путем замены ствола в качестве надежного противотанкового ружья более мощного бронебойного действия» [1, л.83]. Весьма любопытно, что советские специалисты рассматривали патрон «318» (7,92X94) германского ружья как результат переобжата 13-мм гильзы крупнокалиберного пулемета.

Однако в итоге решили немецкий образец просто скопировать. Постановлением ГКО № 453сс от 10 августа 1941 года предписывалось организовать производство 7,92-мм противотанковых ружей. Наркомцветмет должен был «отработать опытный образец металлокерамического сердечника для противотанковой пули» [4, л.142]. План выпуска предполагал изготовление до конца 1941 года 30 тыс. ружей. Чтобы оценить масштаб замысла, достаточно сказать, что в Германии за первый год производства 7,92-мм ПТР Pz.V.39, в 1940 году, было выпущено немногим более 9 тыс. штук, а за весь 1941 год – 29,6 тыс. штук [5, S. 85]. При этом работы по боеприпасу к этому ружью велись в Германии в предшествующие войне годы, и первые образцы пуль с металлокерамическим сердечником пошли в бой еще в ходе Гражданской войны в Испании.

Реализация в Советском Союзе амбициозного проекта копирования немецкого образца сразу же стала давать сбои. Поспешная организация производства также не лучшим образом сказалась на качестве копий немецкого ПТР. В письме начальника ГАУ КА генерал-полковника Н.Д. Яковлева наркому вооружения Д.Ф. Устинову от 19 сентября 1941 года по итогам обследования первой партии ружей после перечисления многочисленных недостатков (тугая экстракция гильзы, осечки) указывалось, что «в таком состоянии ружья отправлять на фронт не представляется возможным» [1, л.116]. С букетом технических проблем еще можно было мириться в реалиях осени 1941 года. Хуже всего обстояли дела в отношении боеприпаса. В докладе начальника ГАУ КА Н.Д. Яковлева от 11 октября 1941 года, адресованном заместителю председателя ГКО СССР Л.П. Берии, указывалось: «По бронепробиваемости ружья дают неудовлетворительные результаты. 30-мм цементированная броня под углом 20° металлокерамической пулей не пробивается ни с какой дистанции» [1, л.134]. Качество изготовления самих ружей по-прежнему оставляло желать лучшего, в том же докладе Л.П. Берии подчеркивалось: «По надежности в работе ружья также дают неудовлетворительные результаты» [1, л.134].

Работы над новыми образцами противотанковых ружей резко активизировались в связи с большими потерями 45-мм противотанковых пушек летом 1941 года и мощностей по их производству. Противотанковые средства стали одним из наиболее дефицитных образцов вооружения Красной армии осенью 1941 года. Московских ополченцев даже пришлось вооружать 37-мм польскими «Бифорсами», причем получены они были за несколько дней до вступления в бой [6, л.63].

Все вышесказанное заставляло искать возможности повысить бронепробиваемость, компенсируя нехватку противотанковых пушек. Кроме того, в условиях лета-осени 1941 года с эвакуацией промышленности и мобилизацией предприятий для выпуска вооружения и боеприпасов важнейшим качеством для ПТР становится технологичность. Тем самым предполагается возможность их производства на непрофильных заводах, мобилизуемых в интересах производства вооружения. В этом отношении весьма показательным является появление на свет 23-мм полуавтоматического противотанкового ружья «17-П» ОКБ-16 наркомата вооружения (ведущий конструктор М.Н. Блюм). Ранее ОКБ-16 занималось 23-мм авиационной пушкой МП-6 и 23-мм противотанково-зенитной МП-3, и выбор боеприпаса был неслучаен. В августе 1941 года ружье 7-П испытывалось на Софринском полигоне и пробило 30-мм плиту на дистанции 500 метров [1, л.108]. Непомерную для пехотинца массу ружья 17-П в 38 кг предполагалось парировать разборкой на две части массой 18 и 20 кг. Однако для осени 1941 года довольно замысловатая конструкция 17-П, основанная на длинном ходе ствола, была, пожалуй, чрезмерно сложной. В дальнейшем ОКБ-16 представило на испытание ружье 15-П, где гильза 23-мм снаряда была переобжата на калибр 14,5 мм, так называемый «мощный» 14,5-мм патрон.

Проблема повышения противотанковых возможностей пехоты Красной армии была в некоторой степени решена с появлением 14,5-мм противотанковых ружей ПТРД и ПТРС. До кон-

ца 1941 года советские вооруженные силы (включая формирования НКВД и НКВМФ) получили 14 962 ПТРД и ПТРС [7, л.10].

Однако характеристики ПТРД и ПТРС оставляли желать лучшего, эти ружья при стрельбе на 100 метров по нормали пробивали 40 мм броню. Поражение немецких танков и САУ нового выпуска в лобовую броню даже с близкого расстояния практически исключалось.

В январе 1942 года, на основании тактико-технических требований, разработанных Арткомом ГАУ, началась разработка 14,5- и 20-мм мощных противотанковых ружей. В разработке принимали участие ОКБ-16, ЦКБ-14, КБ-2, Бауманский институт и Артакадемия. Первым представленным на испытания стало противотанковое ружье Блюма (ПТРБ), несколько раз прошедшее испытания в 1942 году. Вес ПТРБ – 25,6 кг – несколько превосходил вес состоявших на вооружении ружей ПТРД и ПТРС. ПТРБ было спроектировано под вышеупомянутый «мощный» 14,5-мм патрон. ПТРБ показало лучшую бронепробиваемость (со 100 м по нормали пробивалась 60-мм броня, с 400 м – 50 мм), но плохую кучность. Это несколько нивелировало характеристики бронепробиваемости, так как чтобы пробить броню на 300–400 м, нужно в танк попасть.

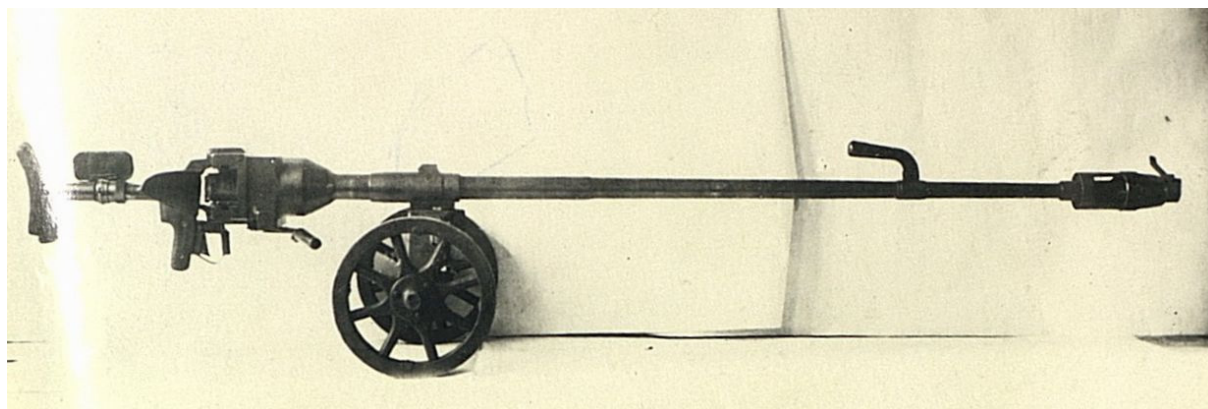

Рис. 2. REC раннего образца (ЦАМО РФ)

Именно в этом контексте 27 мая 1942 года на Софринский артиллерийский полигон из все того же ОКБ-16 поступает 20-мм противотанковое ружье REC (рис. 2). Конструкторами ружья являлись инженер-полковники Сергей Иванович Ермолаев, Владимир Евгеньевич Слухоцкий, оба 1902 года рождения, и конструктор ОКБ-16 Рашков Семен Евельевич 1908 года рождения.

По существу, REC стало логичным и ожидаемым продолжением попыток того же ОКБ создать противотанковое ружье. На этот раз «пулей» выступал 20-мм подкалиберный снаряд авиационной пушки ШВАК (устанавливалась на легких танках Т-60). В советской традиции 20-мм системы классифицировались как пушки, в то время как в Германии имела место классификация как «пулемета». В качестве гильзы для 20-мм «пули» использовалась переобжатая укороченная гильза 45-мм пушки. Запирание ствола происходило перемещением горизонтального клина, в чем REC перекликался конструктивно как с противотанковыми пушками, так и с 7,92-мм Pz.V.39.

Вес 20-мм «пули» составлял 102,4 грамма, вес порохового заряда 143,5 граммов. Разумеется, ружье под такой мощный боеприпас имело значительно больший вес, чем 14,5-мм противотанковые ружья, уже состоявшие на вооружении. Представленное на испытания ружье REC весило 69 кг против 20,3 кг массы ружья ПТРС. Несмотря на то, что REC было оснащено колесиками от станка станкового пулемета «Максим», на испытаниях перемена позиций по песчаному и рыхлому грунту была затруднена, а переноска требовала усилий трех человек.

Чтобы снизить отдачу до приемлемого уровня, конструкторы оснастили РЕС развитым дульным тормозом (рис. 3). В отчете об испытаниях о его действии было написано следующее: «Дульный тормоз отражает пороховые газы и пламя в сторону стрелка. Пламя настолько большое, что оmyвает щиток, а металлические частицы, отраженные дульным тормозом с пороховыми газами, через прицельное отверстие в щитке наносят ранение кожи лица стреляющего. Для защиты глаз стрелка от повреждения были использованы очки, а лоб закрывался головным убором» [8, л.160].

Также газы дульного тормоза поднимали облако пыли, демаскирующее ружье. Бронепробиваемость и кучность огня РЕС оставляли желать лучшего, уверенного пробития 60-мм плиты добиться не удалось. Вместе с тем нельзя не отметить, что РЕС показало завидную надежность: на 400 выстрелов не было ни одной задержки «по вине» самого ружья.

В заключении по итогам испытаний, подписанном 30 июня 1942 года инженером-подполковником А.Р. Емец, было сказано: «Вследствие неудовлетворительной кучности, бронепробиваемости и конструктивных недостатков снарядов и ружья, 20 мм противотанковое ружье РЕС полигонных испытаний не выдержало» [8, л.163].

Любопытно отметить, что после завершения испытаний и возвращения ружья РЕС на доработку инженер-полковник С.И. Ермолаев выступил в защиту своего детища, не согласившись с рядом утверждений в заключении по итогам испытаний. А.Р. Емец парировал эти замечания указанием на проблемы с кучностью, нивелировавшим аргументацию относительно скорострельности и контроля над оружием при выстреле.

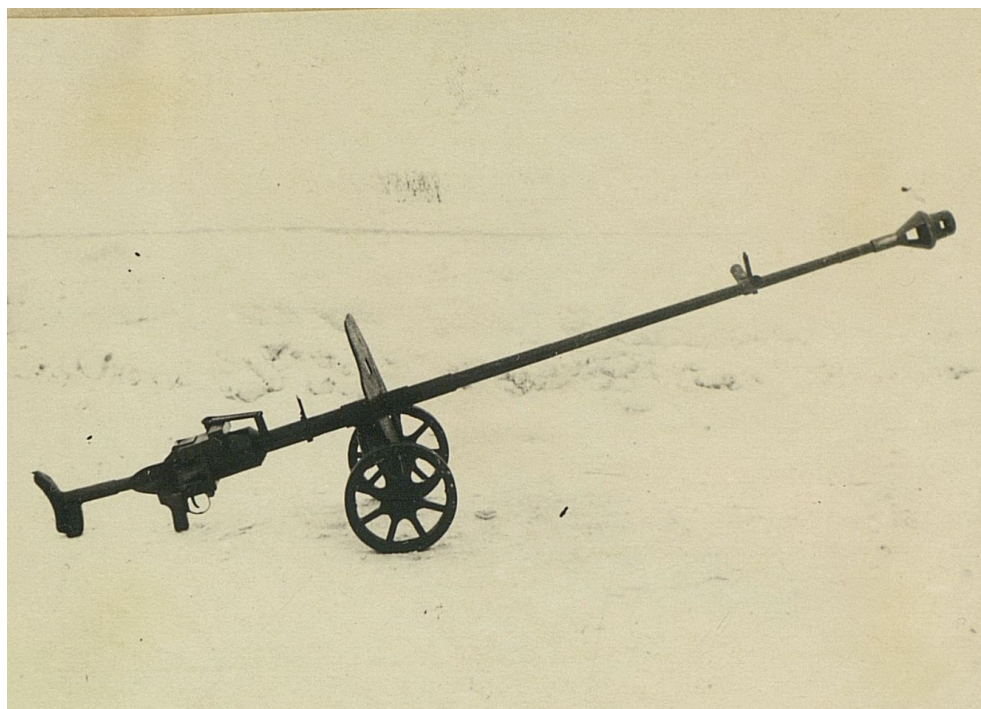

Рис. 3. Один из вариантов дульного тормоза ружья РЕС (ЦАМО РФ)

На доработку РЕС был дан месяц и в августе 1942 года ружье было вновь представлено на испытания. Отличалось оно прежде всего «совершенно новой конструкцией дульного тормоза с коэффициентом поглощения энергии отдачи около 95 %» [8, л.328]. В Руководстве службы РЕС его авторство закреплялось за В.Е. Слухоцким [9, с. 11]. Помимо ружья,

на испытания были выставлены два образца боеприпасов, наилучшим из которых стал «образец № 2» с «пулей» весом 111 граммов.

По итогам августовских испытаний последовало предложение Артиллерийского комитета ГАУ «заказать серийную партию в 50 шт. 20-мм противотанковых ружей РЕС с внесением в чертежи исправлений недостатков, указанных в отчете НИПСВО» [8, л.329]. Чертежи опытного образца были утверждены журналом Арткома №254 от 14 октября 1942 года 23 октября 1942 года. Арткомом ГАУ было утверждено «Руководство службы» на 20-мм противотанковое ружье РЕС обр. 1942 года (рис. 4).

Рис. 4. Ружье РЕС с окончательно принятым для серии дульным тормозом (ЦАМО РФ)

Далее в истории с РЕС с октября 1942 года следует труднообъяснимая пауза на несколько месяцев. Как следует из имеющихся документов, причина затянувшегося процесса была связана с производством. Серии противотанковых ружей РЕС и Блюма, а также необходимое количество боеприпасов к ним были изготовлены только к 1 июля 1943 года [10, л.7].

Изготовленные ружья были направлены на курсы «Выстрел», в училище им. Верховного Совета РСФСР, Высшую Офицерскую школу, в войска НКВД и полигон Главного Бронетанкового управления (ГБТУ) Красной армии. Отзывы по итогам эксплуатации можно охарактеризовать как сдержанные. На курсах «Выстрел» отмечали тугой спуск, мешавший стрельбе по движущейся цели, и указывали, что «...пламя и газы, вырывающиеся из дульного тормоза, сильно демаскируют ружье» [10, л.7]. Аналогичное мнение о РЕС было высказано в училище им. Верховного Совета РСФСР: «...демаскирует огневую позицию вследствие большого пламени при стрельбе». При этом РЕС по комплексу характеристик получил больше положительных отзывов, чем ружье Блюма.

Новая страница в истории РЕС открывается в августе 1943 года после захвата на Курской дуге новых образцов немецких танков. С 9 по 28 августа 1943 года ружья РЕС и 15-П-П (Блюма) проходят испытания на Научно-исследовательском полигоне ГБТУ КА (который

располагал трофейной бронетехникой). Обстреливался экранированный танк, опознаваемый на фото как Pz.III модификации Ausf.N с 75-мм короткоствольной пушкой, модернизированный путем навески экранов [11, р.83]. Лобовой лист подбашенной коробки с суммарной толщиной брони 70 мм (50 мм + 20 мм экран) ожидаемо пробит не был. Лобовой лист корпуса толщиной 50 мм был пробит с дистанции 100 м. А вот выстрелы по экранированным довольно тонкими листами бортам корпуса и башни стали сюрпризом. Как было написано в отчете «...броня башни толщиной 30 мм с экраном 8 мм не пробивается» и, «...бортовая броня 30 мм с экраном 5 мм пробивается с предельной дистанции 100 метров» [12, л.288]. Лобовой лист корпуса с навешенными на него запасными траками также не пробивался: пробив трак, сердечник оставлял лишь глубокую вмятину на броне [12, л.285].

С 26 по 31 января 1944 года Pz.III вместе с ружьем Блюма вновь прошло испытания на НИИБТ полигоне ГБТУ КА. На испытания было подано несколько модернизированное ружье, проходившее как Pz.III-1 с увеличенной до 1930 мм длиной нарезной части ствола, увеличенным до 151 г. пороховым зарядом (разгонявшим снаряд до 1429 м/с) и дульным тормозом «активного» типа, напоминавшем дульные тормозы артиллерийских орудий. Также были подготовлены «противоэкранные» боеприпасы. На испытаниях обстрелу подверглись не только «Пантера» и «Фердинанд», но вновь те же экранированные Pz.III Ausf.N. Советских специалистов вновь ждал сюрприз.

Бортовая броня танка Pz.III толщиной 30 мм с 5-мм экраном уверенно поражалась на дистанции до 200 метров. Точно так же уверенно пробивалась 45-мм броня башни «Пантеры», поставленная под углом 25°. А вот наклонные бортовые листы корпуса «Пантеры» (40 мм под углом 40°) пробивались только со 100 м, а вертикальные 40-мм листы борта нового немецкого танка, прикрытые 5-мм экраном, не пробивались и со 100 м [10, л.123]. Специальные «противоэкранные» снаряды, как указывалось в отчете, «опробованные по 30 и 40 мм броне с тонкобронным навесным экраном положительных результатов при испытании не показали» [10, л.98].

Как сейчас известно, экраны действительно стали немецким ответом на использование Красной армией ПТРД и ПТРС. В своих мемуарах Г. Гудериан, занимавший в то время должность генерал-инспектора танковых войск, писал: «Экраны представляли собой броневые щиты, которые устанавливались на некотором расстоянии от основной брони корпуса танков Т-III, Т-IV и самоходных орудий для защиты от русских противотанковых ружей и сведения на нет их эффективности. <...> Это новшество оправдало себя» [13, с. 414]. Экранами оснащались как танки нового выпуска, так и уже находившиеся в войсках машины с помощью специальных ремонтных бригад [14, л.5]. К началу «Цитадели» процесс установки экранов был в основном завершен. Так, согласно докладу оберквартирмейстера 9-й армии, к 26 июня 1943 года без экранов оставались буквально единицы боевых машин танковых дивизий, на штурмовые орудия также почти все прибывшие экраны были уже установлены, а на 19 САУ «Штурмгешюц» находились в процессе установки [15, frame 7884648]. Таким образом, модернизация затрагивала весь парк танков и САУ, а не только новые машины, поступавшие в войска с заводов. Уровень бронезащиты германской бронетехники скачкообразно вырос, даже без учета появления на поле боя танков новых типов, «Тигра» и «Пантеры».

Имелся также еще один фактор. Во второй половине войны развитие противотанковых средств пехоты пошло по пути использования кумулятивных боеприпасов, дававших хорошую бронепробиваемость при небольшом весе конструкции.

5 мая 1944 года ГАУ КА в лице Н.Д. Яковлева запрашивается заместителем уполномоченного ГОКО по вооружению генерал-майором инженерно-технической службы П.И. Кир-

пичниковым посылается запрос: «Прошу сообщить для доклада тов. Л.П. Берия о результатах полигонных испытаний по 20 мм противотанковому ружью РЕС» [10, л.215].

22 июля 1944 года Н.Д. Яковлев отвечает Л.П. Берии пространным докладом, завершающимся словами: «Учитывая хорошую бронепробиваемость, полагаю возможным изготовить серию ПТР РЕС в количестве 200 штук» [16, л.13]. По устранении недочетов предлагалось «направить ружья на испытания в действующую армию».

В итоге постановлением ГКО №6350 от 9 августа 1944 года предписывалось: «Обязать Наркомвооружения – т. Устинова и директора завода № 2 – т. Фомина изготовить для ГАУ КА на заводе № 2 к 1 октября 1944 года серию в количестве 100 штук 20 мм противотанковых ружей конструкции Рашкова-Ермолаева-Слухоцкого (РЕС)» [17, л.141]. Оговаривалось, что одновременно с выпуском серии будет доработан противозбранный патрон.

29 ноября 1944 года Н.Д. Яковлев распределял серию ружей РЕС в количестве 84 шт. боевых и 15 шт. учебно-боевых. К концу декабря 1944 года серия ружей РЕС была выпущена, но завершение сборки серии 20-мм патронов к ним в количестве 40 тыс. штук Софринским полигоном НКБ ожидалось во второй половине января 1945 года [16, л.160].

23 апреля 1945 года П.И. Кирпичников вновь запрашивает Н.Д. Яковлева: «Прошу сообщить для доклада товарищу Берия Л.П. о выполнении постановления ГКО по доработке противозбранный патрона, а также решение ГАУ КА по 20 мм противотанковому ружью «РЕС» по его использованию и применению» [18, л.74]. Однако ответ мог быть совсем не вдохновляющий: шесть образцов «противозбранный снаряда», разработанных НИИ-24 преимуществ в сравнении с уже существующим не давали. Это и было сообщено Н.Д. Яковлевым «для доклада Л.П. Берии» вместе с информацией о войсковых испытаниях 100 изготовленных ружей РЕС.

Изготовленная заводом № 2 партия ПТР РЕС в количестве 60 штук и 18 тыс. патронов к ним распределилась в мае 1945 года следующим образом (на каждый образец выделялось по 300 патронов) [18, л.85]:

- 1) Московский военный округ – 20 шт.;
- 2) Закавказский фронт – 15 шт.;
- 3) Среднеазиатский военный округ – 15 шт.;
- 4) курсы «Выстрел» – 1 шт.
- 5) Артакадемия – 1 шт.
- 6) Тульское оружейно-техническое училище – 2 шт.
- 7) Высшая офицерская артиллерийско-техническая школа – 1 шт.
- 8) войска НКВД – 5 шт.

Надо сказать, что отзывы из войск были сдержанные. С одной стороны, отмечалась громоздкость ружья РЕС. С другой стороны, в войсках одобрительно отзывались о простоте конструкции, надежности оружия и достаточной точности. Ввиду окончания войны в боевых условиях по танкам противника РЕС стрелять не пришлось. Однако на Закавказском фронте отстрелялись по поставленному по ленд-лизу «Шерману», пробив самую толстую 75-мм броню [18, л.119].

История ПТР РЕС достаточно показательна в отношении функционирования системы управления СССР (и эти черты характерны не только для советской эпохи и государства). В условиях кризиса на вооружение попадают зачастую сырые и неотработанные образцы. Только откровенно провальные проекты терпят неудачу, как произошло с советской копией немецкого ПТР Pz.V.39. Такими компромиссными образцами в СССР стали 14,5-мм ПТРД и ПТРС, все недостатки которых в итоге так и не были изжиты. Когда кризис минует, «окно возможностей» закрывается и пробиться на вооружение становится много труднее. Даже кон-

троль со стороны Л.П. Берии не ускорил принципиально жизненный цикл РЕС. Собственно история с РЕС показывает, что контроль со стороны Л.П. Берии сам по себе не был гарантией успеха проекта. Доводка затягивается, а стремительное развитие техники во время войны ставит новые препятствия. Для РЕС и других опытных советских ПТР таким вызовом стало экранирование немецкой бронетехники. Проблема эта так и не получила адекватного решения. В итоге на фронт самое мощное советское противотанковое ружье так и не попало (рис. 5).

Рис. 5. Клиновой затвор ружья РЕС, хранящегося в Музее Отечественной военной истории (фото автора)

Музейным экспонатом в Падикино стал предсерийный образец противотанкового ружья РЕС 1943 года выпуска с дульным тормозом «реактивного» типа.

Список литературы

1. Переписка по системе стрелкового вооружения и новым образцам. 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12106. Д. 178.
2. Болотин Д. Н. Советское стрелковое оружие. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1986.
3. Тактико-технические требования. 1941 // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12106. Д. 194.
4. Постановления и распоряжения Государственного комитета обороны (ГКО) №№ 406 сс – 482 сс. Рассылочные материалы // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6.
5. Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933 – 1945. Band 1. Infanteriewaffen, Pionierwaffen, Artilleriewaffen, Pulver, Spreng- und Kampfstoffe. – Bernard & Graefe Verlag, Bonn. 1998.
6. Переписка по дивизиям народного ополчения. 1941 // ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 1986.
7. Дело особой важности // ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 836.
8. Материалы по противотанковым ружьям различных калибров // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12040. Д. 46.

9. 20-мм противотанковое ружье РЕС обр. 1942 г. (Системы Рашкова, Ермолаева, Слухотского). Краткое руководство службы. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1942.
10. Материалы по противотанковым ружьям различных калибров. 1944 // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12040. Д. 238.
11. Panzer Tracts 3-3 – Panzerkampfwagen III Ausf. J, L, M, und N, development and production from 1941 to 1943 by Thomas Jentz und Hilary Louis Doyle. Panzer Tracts. 2009.
12. Материалы по противотанковым ружьям различных калибров. 1944 // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12040. Д. 89.
13. Гудериан Г. Воспоминания солдата. – Смоленск.: Русич, 1999.
14. Доклады генерал-инспектора танковых войск Гудериана Гитлеру // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 93.
15. NARA T312 R316 AOK 9. O.Qu. Anlagenband 2 zum KTB. Wochenberichte. May 17 – Aug 20, 1943.
16. Материалы по противотанковым ружьям различных калибров. 1944 // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12040. Д. 239.
17. Постановления и распоряжения Государственного комитета обороны (ГКО) №№ 6340 с – 6354 с. Рассылочные материалы // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 292.
18. Переписка по противотанковым ружьям различных калибров. 1945 // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12040. Д. 277.

References

1. Perepiska po sisteme strelkovogo vooruzheniia i novym obraztsam. 1941 g. [Correspondence on the small arms system and new models. 1941]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO RF)*, f. 81, op. 12106, d. 178.
2. Bolotin D. N. Sovetskoe strelkovoie oruzhie [Soviet small arms]. 2nd ed. Moscow, Voenizdat, 1986.
3. Taktiko-tekhnicheckie trebovaniia. 1941 [Tactical and technical requirements. 1941]. *TsAMO RF*, f. 81, op. 12106, d. 194.
4. Postanovleniia i raspriazheniia Gosudarstvennogo komiteta oborony (GKO) №№ 406 ss - 482 ss. Rassylochnye materialy [Resolutions and orders of the State Defense Committee (GKO) No. 406 ss - 482 ss. Mailing materials]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)*, f. 644, op. 1, d. 6.
5. Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933 - 1945. Band 1. Infanteriewaffen, Pionierwaffen, Artilleriewaffen, Pulver, Spreng- und Kampfstoffe. Bernard & Graefe Verlag, Bonn, 1998.
6. Perepiska po diviziiam narodnogo opolcheniia. 1941 [Correspondence on the divisions of the people's militia. 1941]. *TsAMO RF*, f. 56, op. 12214, d. 1986.
7. Delo osoboi vazhnosti [A matter of special importance]. *TsAMO RF*, f. 7, op. 30, d. 836.
8. Materialy po protivotankovym ruzh'iam razlichnykh kalibrov [Materials on anti-tank rifles of various calibers]. *TsAMO RF*, f. 81, op. 12040, d. 46.
9. 20-mm protivotankovoe ruzh'e RES obr. 1942 g. (Sistemy Rashkova, Ermolaeva, Slukhotskogo). Kratkoe rukovodstvo sluzhby [20-mm anti-tank rifle RES mod. 1942 (Systems of Rashkov, Ermolaev, Slukhotsky). Quick service guide]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata oborony, 1942.
10. Materialy po protivotankovym ruzh'iam razlichnykh kalibrov. 1944 [Materials on anti-tank rifles of various calibers. 1944]. *TsAMO RF*, f. 81, op. 12040, d. 238.
11. Panzer Tracts 3-3 - Panzerkampfwagen III Ausf. J, L, M, und N, development and production from 1941 to 1943 by Thomas Jentz und Hilary Louis Doyle. Panzer Tracts, 2009.
12. Materialy po protivotankovym ruzh'iam razlichnykh kalibrov. 1944 [Materials on anti-tank rifles of various calibers. 1944]. *TsAMO RF*, f. 81, op. 12040, d. 89.
13. Guderian G. Vospominaniia soldata [Memoirs of a Soldier]. Smolensk, Rusich, 1999.
14. Doklady general-inspektora tankovykh voisk Guderiana Gitleru [Reports of the Inspector General of Tank Forces Guderian to Hitler]. *TsAMO RF*, f. 500, op. 12462, d. 93.
15. NARA T312 R316 AOK 9. O.Qu. Anlagenband 2 zum KTB. Wochenberichte. May 17 - Aug 20, 1943.
16. Materialy po protivotankovym ruzh'iam razlichnykh kalibrov. 1944 [Materials on anti-tank rifles of various calibers. 1944]. *TsAMO RF*, f. 81, op. 12040, d. 239.
17. Postanovleniia i raspriazheniia Gosudarstvennogo komiteta oborony (GKO) №№ 6340 s – 6354 s. Rassylochnye materialy [Resolutions and orders of the State Defense Committee (GKO) No. 6340 p. – 6354 p. Mailing materials. *RGASPI*, f. 644, op. 1, d. 292.
18. Perepiska po protivotankovym ruzh'iam razlichnykh kalibrov. 1945 [Correspondence on anti-tank rifles of various calibers. 1945]. *TsAMO RF*, f. 81, op. 12040, d. 277.